
**«...ВСЕ-ТАКИ ВПЕРЕДИ ОГНИ»:
РЕФОРМАТОРСКИЙ ДЕМОКРАТИЗМ В.Г. КОРОЛЕНКО***

В.В. Блохин

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье исследуются общественно-политические взгляды и деятельность писателя, публициста журнала «Русское богатство» В.Г. Короленко. Автор доказывает, что Короленко, как и Н.К. Михайловский, был сторонником реформаторского демократизма, а высшей ценностью считал борьбу за права человека.

Ключевые слова: народничество, демократизм, реформы, народ, интеллигенция, ум и чувство, реформы, право.

Демократическая платформа журнала «Русское богатство» нашла свое обоснование в творчестве «второго человека» после Н.К. Михайловского, публициста, писателя и редактора Владимира Короленко. В исследовательской литературе его общественно-политические взгляды и деятельность специально не изучались. Труды Короленко традиционно рассматривались с точки зрения исследования особенностей его литературного творчества. Изучение реформаторского народничества предполагает установление типологического единства доктрины Михайловского и воззрений Короленко, нахождение между ними «линий пересечения».

В отличие от публициста и редактора Михайловского, жившего и писавшего в столице, Короленко был в большей степени литератором, а его общественная деятельность с самого начала проходила в отдаленных регионах страны и провинциальных городах. Жизненные впечатления, вынесенные им из многочисленных ссылок и встреч с народом «из глубинки», повлияли не только на своеобразие его литературного творчества, но предрешили особенности его общественно-политических воззрений.

Начало жизненного пути Короленко во многом было сходно с судьбами многих молодых людей, рано вступивших на путь общественного протеста. Как и многие, он вышел из среды разночинцев и «кающихся дворян».

Отец его был чиновником судебного ведомства, мать – дочерью помещика средней руки. В 1868 г. отец умер, оставив семью без всяких средств к

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-00222а.

существованию. По окончании гимназии в Ровно в 1871 г. Короленко переехал в Петербург и поступил в Технологический институт. Два первых студенческих года прошли в борьбе с нуждой. В 1873 г. Короленко, уехав в Москву, перешел в Петровскую сельскохозяйственную академию, которую так и не окончил. В 1876 г. он был исключен из академии и выслан за подачу коллективного протеста студентов против полицейского режима, господствовавшего в академии. Петровская академия в 1870-е гг. являлась своеобразным средоточием радикальной молодежи.

Высланный в Вологодскую губернию, он был вызван с дороги и поселен в Кронштадте под надзором полиции. В 1877 г., после окончания первой ссылки, Короленко поступил в Петербургский горный институт, но в 1879 г. вновь был арестован по подозрению в оппозиционной деятельности и выслан сначала в Глазов, а оттуда в «лесную глушь» – в Березовские Починки. За мнимую отлучку его отправили в Восточную Сибирь, но вернули и поселили в Перми. В 1881 г. после убийства Александра II за отказ от присяги новому царю Короленко поплатился ссылкой в Якутскую область, где и провел три года (1881–1884 гг.).

Мировоззрение Короленко складывалось еще в 1870-е гг. Особенности влияния на него оказали творчество Н.А. Добролюбова и И.С. Тургенева, которого, по его собственным словам, он любил «фанатично».

Конституционные идеи Короленко воспринял у М.П. Драгоманова. Интерес к праву выделял писателя в среде народничества, для которого в 1870-е гг. был характерен ярко выраженный аполитизм. В этом смысле Короленко был весьма близок как «оппортунисту» в народничестве Г.З. Елисееву, так и Михайловскому, для которых мирное реформирование политической системы имело приоритетное значение.

В основание мировоззрения Короленко легли народнические идеи, сложившиеся у него в студенческие годы. Однако народничество Короленко не было застывшим: уже в 1870-е гг. он усомнился в правильности действий революционеров, полагая, что они оторваны от народа.

Конспиративные организации народников поразили его своей замкнутостью и разобщением с народом. «Революционеры без народа», – так называл он деятелей 1870-х гг. в «Истории моего современника». Это отношение к «революционерам без народа» не привело его к правильному взгляду на народническое движение в целом. В своей критике «безнародности» он опирался вначале на народническую теорию «народной мудрости», основанную на идеализации крестьянства и на вере в неизбежность победы «общинного духа» над всеми враждебными ему силами. Но это увлечение народнической «верой сердца» в стиле Н.Н. Златовратского (1) было у Короленко кратковременным. Уже в 1882 г. он расстался с «туманностями» Златовратского, отказавшись от народнической идеализации крестьянства.

А.М. Горький приводит колоритные свидетельства о том, как воспринимали творчество Короленко современники. «Короленко смущал моих зна-

комых; он был в ссылке, написал «Сон Макара» – это, разумеется, очень выдвигало его. Но в рассказах Короленко было нечто подозрительное, непривычное чувству и уму людей, плененных чтением житийной литературы о деревне и мужике.

– От ума пишет, – говорили о нем, – от ума, а народ можно понять только душой» (2). В этой оценке показателен один штрих: «От ума пишет»! Это означает лишь одно. В народнической дихотомии «ум–чувство», «интеллигенция–народ» Короленко стоял на позициях трезвого, рационального оценивания народа, т.е. стоял на точке зрения интеллигенции, «ума».

В этом смысле, представления писателя о народе близки реалистическим позициям Успенского и Михайловского. Но Короленко, будучи критически настроенным по отношению к мужику, в отличие от многих народников 1880-х гг. не терял веры в неизбежность возрождения народа и превращения его в созидательную и сознательную силу общественных преобразований.

Отбыв якутскую ссылку, Короленко осенью 1884 г. переехал в Нижний Новгород (1885–1896). В эти годы им были созданы самые значительные художественные произведения, доставившие ему широкую и прочную известность. Показательно, что Горький эту эпоху в жизни города назвал «временем Короленко».

В годы нижегородской жизни он борется с хищениями в уездном земстве и дворянском банке, проводит кампанию помощи голодающим крестьянам, участвует в Мултанском деле; в нем наиболее ярко проявилось мировоззрение Короленко как гуманиста и демократа. Для него принципы свободы и справедливости имели приоритетное значение; Короленко стоял на защите права как важнейшей основы общественной жизни и незыблемой ценности.

Мултанское дело известно как дело о человеческом жертвоприношении в с. Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии. В мае 1892 г. властями было возбуждено уголовное дело против местных удмуртов, обвиненных в предумышленном убийстве.

Однако расследование велось с процедурными нарушениями, дело слушалось при одних свидетелях обвинения. Короленко сразу оценил большое общественное значение дела и прибыл в Елабугу в качестве корреспондента «Русских ведомостей». Вместе с другими журналистами он составил и издал подробный отчет о процессе, придав ему объективное освещение. Дело слушалось трижды. Короленко опубликовал ряд обстоятельных статей, проанализировал ход следствия, неоднократно выступал на суде в качестве защитника обвиняемых наряду с адвокатами. Результатом его решительной защиты невинно обвиненных стало вынесение в июне 1896 г. оправдательного приговора.

Наряду с сотрудничеством в Петербургских и московских журналах писатель являлся активным деятелем поволжской печати. В 1887 г. Короленко

участвовал в редактировании беллетристического отдела «Северного вестника», а с 1895 г. стал одним из официальных издателей журнала «Русское богатство».

В произведениях Короленко отчетливо звучит тема раскола народа и интеллигенции, обнажается их взаимное непонимание. Писательский вывод печален: «Наш народ слишком долго был отделен от интеллигенции, слишком долго жил без общественной мысли. В свою очередь демократическая интеллигенция долго жила со своей уединенной мыслью, без применения вместе со своим народом» (3).

Апогей интереса к теме народа проявился у Короленко в нижегородский период его творчества, когда он много и глубоко исследовал народный быт и народную жизнь.

«Каждое лето В.Г. отправлялся в какую-то экскурсию – или в один из монастырей Нижегородской губернии, или на Светлояр, или куда-нибудь дальше по Волге, – свидетельствовал его современник. – ...Народная жизнь во всех ее проявлениях интересовала В.Г., и ни о чем он, кажется, не рассказывал с таким увлечением, как о разных характерных типах и любопытных сценах, какие ему приходилось наблюдать во время своих странствований» (4).

Хотя первоначальными источниками исторических знаний для него были труды С.М. Соловьева, но в не меньшей степени они «подпитывались» неподдельным интересом к народной жизни, диктовались мотивами его литературного творчества.

Историческая концепция Короленко строилась на признании закономерности явлений. Во всех современных событиях он видел следы прошлого. «Вмешаться в те области жизни, которые стоят близко и на виду», – значит погрузиться в наше прошлое, так как оно раскрывает полнее и яснее содержание настоящего. «Вселенная – не есть случайная игра случайных сил и явлений». Некоторая закономерность тяготеет над жизнью вселенной, над жизнью человеческой в частности. В силу этой закономерности меняется человеческая жизнь: «меняется и религия, меняются нравственные понятия и чувства, меняется человек» (5).

С другой стороны, Короленко не считал законы истории статичными, подчеркивал их поступательный характер. «В вечном стремлении к совершенству, которое я допускаю как закон, – есть движущая сила и сопротивление: одно рождается и развивается, другое отбрасывается и гибнет» (6).

По убеждению Короленко, вечное стремление к совершенству есть закон жизни человечества. На этой мировоззренческой идее Короленко основывается исторический оптимизм и уверенность в том, что движение из прошлого к настоящему, от настоящего к будущему есть путь человека, идущего к совершенству, от тьмы к свету. Такой взгляд на историю позволял ему уверенно заключать: «Все-таки, все-таки впереди огни» (7).

В своем творчестве Короленко подобно большинству народнических теоретиков доказывал, что субъектом истории является народ. К идее народа как творца истории он подходил, доказывая, что «в совокупности человечества участвуют не одни великие, живущие на освещенных вершинах. На дне, в глубоких тущобах, тоже есть черты для создания великого образа коллективного человека» (8).

«Если у тебя на столе, – образно отвечал Короленко в своем письме В.А. Гольцеву (9), – лежит вещица, ну хоть безделка из Помпеи, которая пережила века, – то это значит, что она очень ценна».

Для Короленко значительность явлений в человеческой жизни определялась не внешними их качествами, а внутренним содержанием и силой воздействия последнего на окружающее.

«Живая сила, – добавлял он, – измеряется массой, приводимой в движение – все равно, в какое время» (10). Следовательно, интерес Короленко-историка обращается на такие поступки отдельных людей, следствия которых выходили за пределы их личной жизни и, так или иначе, приводили в движение «массу». В мировой истории такой «массой» является человечество, в русской истории – народ.

По мнению Короленко, поскольку это разнообразие и богатство человеческих переживаний наблюдается в прошлом, постольку в основе исторической работы должен лежать как индивидуально психологический анализ, так и расследование коллективной психологии масс. Для Короленко психологический анализ являлся одним из сильнейших приемов художественного творчества. Его писатель использовал при изучении прошлого, гармонически сочетая в этом приеме свое стремление художника и интересы историка.

С этой точки зрения теоретико-методологический анализ Короленко близок субъективно-психологическому методу Михайловского, который, несомненно, повлиял на писателя.

Трудясь в Нижегородской архивной комиссии, Короленко натолкнулся на дела, связанные с пугачевщиной. Многочисленные предания о восстании Пугачева он собирал во время своих путешествий, в особенности во время поездки в Арзамас летом 1890 г.

В своих очерках о «Современной самозванщине» (1896) Короленко воссоздал историко-психологический портрет Пугачева. Самозванство Пугачева представлялось ему явлением «самобытным, русским, нигде уже в такой степени, с такой распространенностью и силой не встречающимся в Европе». По мнению Короленко, страх и суеверие – вот два основных элемента, из которых вырастает самозванство. Колдуны и ябедники – исстари знакомые русской жизни типы. Один знает волшебное слово, приводящее в движение таинственные силы потустороннего мира; другой владеет таким же волшебным словом, навлекающим не менее таинственную грозу власти. На этой почве, по мнению Короленко, происходит «смешение настоящей рели-

гии и настоящего права с явлениями присвоения религиозной и гражданской власти разными самозванцами».

«Всякий раз, – говорил Короленко, – когда я думаю о несчастном человеке, дерзновенно принявшем на себя звание царя Петра Федоровича и потрясшем Россию смятением и ужасом, – я невольно вспоминаю о том, как тщательно этот человек, державший в своей руке грома и смерть, должен был скрывать от приближенных свою несчастную спину, навсегда исполосованную кровавыми рубцами плетей во время прусского похода» (11).

В таком социально-психологическом толковании Короленко пугачевского движения заметны параллели знаменитой теории «вольницы и подвижников» Михайловского.

Историографическая эрудиция позволяла Короленко нередко вносить существенные правки в труды историков-профессионалов. В очерке «Русская пытка в старину» он приводит мнение С.М. Соловьева о том, что с царствования Елизаветы «Россия уже не знала пыток в целях политических», и по поводу этого утверждения историка скромно оговаривается: «это не совсем верно» (12).

Веря в созидательные силы народа, Короленко не впадал и в другую крайность, характерную для Михайловского, считавшего народ непросвещенной массой, народом, «еще не успевшим народиться».

В своей борьбе за дело народа писатель не был одиноким, вокруг него всегда были единомышленники, земские деятели. Вместе с Н.Ф. Анненским он принимал участие в работе земской молодежи, занимался изучением жизни деревни, горячо «поддерживал дело статистики» (13). По замечаниям Горького, Короленко был в центре всей земской жизни: «В суде слушается дело скопцов, – В.Г. сидит среди публики, зарисовывая в книжку полумертвые лица изуверов, его видишь в зале земского собрания, за крестным ходом, всюду; нет ни одного заметного события, которое не привлекало бы спокойного внимания Короленко. Около него крепко сплотилась значительная группа разнообразно недюжинных людей: Н.Ф. Анненский, человек острого и живого ума; С.Я. Елпатьевский, врач и беллетрист, обладатель неисчерпаемого сокровища любви к людям, добродушный и веселый; А.И. Богданович, вдумчивый и едкий; “барин от революции” А.И. Иванчин-Писарев; А.А. Савельев, председатель земской управы; Аполлон Карелин, автор самой краткой и красноречивой прокламации из всех мне известных после 1 марта 81 года, он расклеил по заборам Нижнего бумажку, содержащую всего два слова: “Требуйте конституцию”».

Кружок Короленко шуточно наименовался “*Обществом трезвых философов*”; иногда члены кружка читали интересные рефераты; я помню блестящий реферат Карелина о Сен-Жюсте и Елпатьевского о «новой поэзии», – таковой в то время считалась поэзия Фофанова, Фруга, Коринфского, Медведского, Минского, Мережковского. К “трезвым” философам примыкали земские статистики Н.И. Дрягин, Кисляков, М.А. Плотников, Констан-

тинов, Шмидт и еще несколько таких же серьезных исследователей русской деревни; каждый них оставил глубокий след в деле изучения путаной жизни крестьянства... Таким образом, влияние кружка Короленко распространялось очень широко, проникая даже в среду почти недоступную культурным влияниям» (14).

В 1892 г. Короленко был приглашен к участию в деятельности партии «Народного права» и согласился подготовить статью в первый номер газеты. Статья касалась роли князя Мещерского во внутренней политике Александра III. Однако статья Короленко не сохранилась. С мая 1895 г. по приглашению Михайловского Короленко стал вторым официальным издателем «Русского богатства».

Четыре года пребывания в Петербурге (1896–1900) были отданы журнальной работе, и позднее, уехав в провинцию, он оставался одним из редакторов и руководителей журнала.

Важнейшим направлением идейной жизни в 1890-е гг. стала полемика Короленко с марксистами. Позиция Короленко по отношению к новому течению была неоднозначной. С одной стороны, его не устраивала в марксизме установка на пассивное восприятие действительности, упование на неизбежность исторической необходимости. Не убеждала писателя и «стройность» марксистской теории, присущий ей экономический детерминизм. В беседе с Горьким он дружески советовал начинающему писателю: «Не спешите выбрать верования, я говорю – выбрать, потому что, мне кажется, теперь их не вырабатывают, а именно – выбирают. Вот быстро входит в моду материализм, соблазняя своей простотой. Он особенно привлекает тех, кому лень самостоятельно думать» (15).

Важнейшим недостатком марксистского социализма, по мнению Короленко, являлось отсутствие идеализма. В разговоре с Горьким он однажды заметил: «Неясно мне это, *социализм без идеализма для меня непонятен!* И не думаю, чтобы на сознании общности материальных интересов можно было построить этику, а без этики – мы не обойдемся» (16).

В этом критическом отношении писателя к марксизму было много справедливого. Марксизм уповал на разрешение исторических вопросов посредством объективного хода истории, действия обезличенной исторической необходимости. Не борись против зла, не выдвигай прекрасных идеалов – всему судья объективная закономерность! Игнорируя творчески активную личность, меняющую жизнь посредством борьбы за те или иные нравственные идеалы, марксизм оправдывал не только фатализм, но и всякую «гноусность», происходившую в обществе, объясняя ее закономерностью. Обезличенность истории (отметим, что марксизм признавал личность только как классовую личность), не могла быть принята Короленко.

С другой стороны, в отличие от Михайловского Короленко не был столь негативно настроен к марксизму. Даже в среде «Русского богатства» он на-

ходил своих единомышленников. Одним из них был В.В. Вересаев. «Встречи наши... происходили в 1896 г... Беседы, долгие и горячие, шли о марксизме. Тема в то время была самая боевая, “Русское богатство” занимало по отношению к марксизму весьма враждебную позицию... У Короленко ни тени не было этой враждебности. Он возражал, выспрашивал, и, видимо, ему было важно одно: понять психологию этого совершенно ему непонятого нового революционного течения» (17).

Он признавал правоту марксизма в том, что «Россия не может оставаться страной исключительно земледельческой, что одно наделение землей не решает всех ее жизненных вопросов, что промышленность ее растет, фабрики и заводы множатся, зародился уже и растет рабочий класс со своими интересами, далеко не общими у него с крестьянством. И в этом росте нельзя видеть только отрицательного явления, как на это смотрели народники. Россия наряду с земледелием должна развить у себя и обрабатывающую промышленность. Притом марксисты верно подметили в этом явлении черту, близкую русской интеллигенции, задыхающейся в атмосфере бесправия. Проповедь свободы находит более легкий доступ в рабочую среду, чем в крестьянскую массу, загипнотизированную самодержавной легендой» (18).

В 1880–1900-е гг. Короленко активно полемизирует с распространившимся толстовством и оспаривает толстовский тезис «о непротивлении злу силой» в своем «Сказании о Флоре-римлянине и Менахеме-царе». Сказание было переработано в 1900 г. для сборника «Еврейские силуэты» (СПб., 1900) и было направлено не только против толстовства, но и утверждавшегося в народнической среде с 1880-х гг. отказа от освободительной борьбы и проповеди малых дел. К критике толстовства Короленко вернулся и в 1917 г., когда он призывал к защите революционного отечества. Отвечая толстовцу Воловику, считавшего писателя «непротивленцем», Короленко отвечал: «Я этого мнения не разделяю. Если на меня нападет мой ближний с целью отнять мою жизнь, то я считаю защиту, хотя бы с риском убить его, своим несомненным правом» (19).

После смерти Михайловского в январе 1904 г., ареста Анненского, высылки Мякотина Короленко фактически возглавил журнал, на время отложив собственную литературную работу. Он организационно укрепил журнал, урегулировал проблему долгов, ввел в редакцию новых людей (20).

В условиях наступившей русско-японской войны, роста патриотических настроений он разрабатывает и теоретически осмысливает проблему патриотизма.

Короленко не занял патриотической позиции в начавшейся войне, поскольку полагал, что «победа России будет служить усилению реакции на родине и тем самым усилению реакции в Европе. Отрицательно относясь к целям войны, он не желал победы России». По воспоминаниям С.В. Короленко, «в доме было то настроение, которое тогда называлось “пораженческим”».

Отвечая на запрос газеты «Биржевые ведомости», Короленко писал 8 июля 1904 г.: «Приобретение Порт-Артура и Манчжурии я считаю ненужным и тягостным для нашего отечества... Даже прямой успех в этой войне лишь закрепит за нами то, что нам не нужно... и повлечет новое напряжение и без того истощенных средств страны на долгое, на неопределенное время... Для меня истинный престиж, т.е. достоинство народа, не исчерпывается победами на поле сражений, но включает в себя просвещенность, разумность, справедливость, осмотрительность и заботу об общем благе, – то я, не пытаясь даже гадать об исходе, желаю прекращения этой ненужной войны...» (21).

Писатель полагал, что национальное и государственное обособление будет неуклонно стираться, а сама идея патриотизма уступит «общечеловеческой солидарности», установленной на всей земле.

«Исчезнет ли патриотизм совершенно и случится ли это в близком будущем?.. Этот вопрос ведет за собой целую вереницу других; что такое нация, государство, из чего слагается самая идея отечества... Не пытаясь дать точные ответы на эти вопросы, – я скажу только, что, по моему мнению, патриотизм еще долго будет питать чувства человека... Но многое в патриотизме уже теперь умирает на наших глазах, заполняя современную атмосферу запахом тления и смерти: это – национальная исключительность и национальные эгоизмы... Я могу только повторить слова Берне: «Может ли быть лучшее доказательство любви к своему отечеству, как мужественный призыв к справедливости в тех случаях, когда оно не право» (22).

Осуждая внутреннюю и внешнюю политику самодержавия, Короленко активно сотрудничал с либералами. На страницах либерального органа «Освобождение» (1904) он писал: «Самодержавие несовместимо с жизнью; русская жизнь давно переросла те до нелепого узкие политические рамки, в которые омертвевшим бюрократическим строем она насильно вгоняется. Бессмысленны мечтания остановить или задержать развитие великой страны» (23).

В годы правительственной реакции писатель активно выступил против репрессивной политики самодержавия. Особенный резонанс вызвала статья Короленко «Обычное явление», в которой он обличал социальное насилие. Л.Н. Толстой в марте 1910 г. писал: «Владимир Галактионович, сейчас прослушал вашу статью о смертной казни и всячески во время чтения старался, но не мог удержать не слезы, а рыдания... Ее надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья» (24).

Короленко активно участвовал в борьбе за право и защиту человеческого достоинства. Зимой 1905 г. в местечке Сорочинцы Полтавской губернии властями было подавлено народное выступление, вызванное административным произволом. Казаки расстреляли 20 сорочинцев, была произведена

массовая экзекуция местного населения. По следам событий Короленко выступил в местной газете «Полтавщина» с обличительным письмом. Судебное расследование подтвердило правоту писателя и выявило массовые нарушения прав человека.

Наряду с «сорочинской трагедией» другим резонансным событием стало «дело Бейлиса», когда Короленко выступил в защиту еврейского населения. Еврейскому вопросу он посвятил ряд очерков: «Дом № 13», «К истории еврейского вопроса в русской печати», «К вопросу о ритуальных убийствах» и др. И в этом случае писатель смог добиться оправдательного приговора.

Борьба за права человека и человеческое достоинство тесно была увязана с концепцией социализма Короленко. Для него социализм был общественным идеалом, целью истории, смыслом человеческого существования. К обоснованию социалистического идеала писатель подходил с историософских позиций. Содержание всей мировой истории, по Короленко, определяется действием двух законов, двух противоположных тенденций: законом вражды и законом «взаимного сочувствия и любви». «Борьба этих двух начал, вражды и любви, которые люди называют злом и добром, Белбогом и Чернобогом, Ормуздом и Ариманом, духом света и духом тьмы, составляет содержание всей человеческой истории, всех религий, всякой человеческой нравственности» (25).

Короленко доказывал, что при социализме исчезнет социальная рознь и национальная вражда, народы объединяются в единое человечество, станут друг другу братьями. Процесс формирования единого человечества, согласно Короленко, не является быстрым. Отношения солидарности, существующие сначала в рамках семьи, рода, нации, государства по мере расширения охватят все человечество. «...Постепенно создание братства людей становилось шире, и с ростом человеческих объединений росло чувство человеческой дружбы, солидарности, любви, на счет древней вражды» (26). Политическим идеалом для писателя была республика.

В перспективе он не исключал создания всемирной республики. Однако он ясно осознавал, что утверждение новых политических форм является делом непростым, требует перестройки сознания людей. Так, осмысливая уроки Февральской революции 1917 г., он писал: «...Значит ли это, что с тех пор Россия успела из монархической превратиться в республиканскую, что монархию победила республика? Незачем обольщаться. В десять лет не создаются в народе ни республиканские убеждения, ни республиканские нравы» (27).

Февраль означал для писателя новую эпоху движения к социализму, путь к которому будет несомненно трудным. Поэтому Короленко призывал всю Россию защищать демократические завоевания Февральской революции. Угрозу социальному прогрессу в России представляла война. В этих условиях писатель не мог не стать «революционным оборонцем». Он реши-

тельно осудил большевиков, выступавших с позиций «будто никакого отечества не существует» (28).

Так же решительно Короленко выступил против октябрьского переворота и подверг резкой критике большевистскую концепцию социализма. Для писателя основы большевизма были абсолютно неприемлемы.

По его глубокому убеждению, непременным условием социализма являлись политические свободы. Без свободы для народнического мыслителя не было социализма. «Такие вещи, как свобода мысли, собраний, слова и печати... необходимые орудия дальнейшего будущего» (29).

Кроме того, Короленко, в отличие от многих народников, признавал прогрессивное значение капитализма, который «даже в Европе не завершил своего дела». В своих письмах к Луначарскому, написанных в Полтаве в 1920 г., он подчеркивал, что большевистская теория основана на «лжи», носящей «широкий классовый характер». Ложь в первую очередь проявлялась в толковании буржуазии и ее исторической роли. Для писателя буржуазия являлась классом организаторов производства, без которого невозможно экономическое развитие отсталых стран, а сам русский капитализм «подлежал усовершенствованию, дальнейшему развитию, а не уничтожению» (30).

Не принимал народнический писатель и большевистского насилия, он являлся убежденным сторонником мирного реформирования общества, резонно полагая строительство социализма трудной исторической задачей, которую не разрешить в короткие сроки и тем более не ввести революционным декретом сверху.

Более того, для Короленко была сомнительна сама теоретическая возможность коммунизма, поскольку «коммунизм есть еще нечто неоформленное», а «для социального переворота... нужны другие нравы». «Из одного и того же вещества углерода получают и чудные кристаллы алмаза и аморфный уголь», – писал Короленко (31).

Таким образом, Короленко как мыслитель в начале XX в. стоял на демократических позициях. По своим идейным ориентирам он в основных моментах своего мировоззрения был близок к «индивидуалистическому социализму» Михайловского (идея самоценности личности, принцип борьбы за политические свободы, субъективно-психологический метод социального познания), следовал этой линии. Подобно Михайловскому он с решительной убежденностью и последовательностью отстаивал в своем творчестве и жизни права человека, глубоко верил в созидательную возможность исторического творчества отдельной личности. Но в отличие от Михайловского, скептически смотревшего на исторические возможности народа, он верил в то, что русский народ обязательно рано или поздно станет сознательным творцом своей исторической судьбы. Эта вера и приводила Короленко к оптимистическому заключению: «Все-таки, все-таки впереди огни!»

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Н.Н. Златовратский – народник почвеннического направления, автор нашумевшего в 1880-е гг. романа «Устой».
- (2) *Горький А.М.* Время Короленко // В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962. – С. 131.
- (3) *Короленко В.Г.* Война, отечество и человечество. Письма о вопросах нашего времени. – М., 1917. – С. 28.
- (4) В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962. – С. 100.
- (5) Там же. – С. 107.
- (6) Там же.
- (7) Там же. – С. 108.
- (8) Там же. – С. 109.
- (9) Виктор Александрович Гольцев, друг Короленко, редактор журнала «Русская мысль», либерал и демократ по убеждениям.
- (10) Памяти Вл. Г. Короленко. – М., 1922. – С. 110.
- (11) Там же. – С. 111.
- (12) Там же. – С. 112.
- (13) В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962. – С. 103.
- (14) *Горький А.М.* Время Короленко. – С. 132–133.
- (15) Там же. – С. 142–143.
- (16) Там же. – С. 160.
- (17) *Вересаев В.В.* Литературные воспоминания // Собр. соч.: В 5 т. – М., 1961. – Т. 5. – С. 369.
- (18) *Короленко В.Г.* Земли, земли! // Голос минувшего. – 1922. – № 1. – С. 27–29.
- (19) *Короленко В.Г.* Дневник. 1917–1921. Письма. – М., 2001. – С. 17.
- (20) См.: *Короленко С.В.* Книга об отце. – Ижевск, 1968. – С. 120.
- (21) Там же. – С. 114.
- (22) Там же. – С. 116.
- (23) Цит. по: *Шуб Д.* Политические деятели России (1850–1920-х гг.). – Нью-Йорк, 1969. – С. 318.
- (24) Там же. – С. 315.
- (25) *Короленко В.Г.* Война, отечество и человечество. Письма о вопросах нашего времени. – М., 1917. – С. 5.
- (26) Там же. – С. 5.
- (27) Там же. – С. 26.
- (28) Там же. – С. 3.
- (29) *Короленко В.Г.* Земли! Земли! – М., 1991. – С. 157.
- (30) Там же. – С. 153.
- (31) Там же. – С. 161.

**«...AND STILL THERE ARE LIGHTS IN FRONT OF US»:
THE REFORMATORY DEMOCRATISM OF V. KOROLENKO**

V.V. Blokhin

Department of Russian History
Peoples Friendship` University of Russia
Mikhlukho-Maklay Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article gives a seaway of the social political views of a well known Russian writer V. Korolenko. The author of the article proves that the political doctrine of Korolenko is very close to reformatory democratism of N.K. Mikhailovsky.

Key words: populism, reformatory democratism, people, intellectuals, law, mind and senses, reform.